



Герман Ломов

Дожить до июля

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# Герман Ломов

## Дожить до июля

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=45613296](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45613296)*

*SelfPub; 2020*

### Аннотация

Авторский дебют в крупной прозаической форме по редакторскому заданию: «написать книгу, отвечающую одновременно трём жанрам – мистика, фантастика и ужасы, как обязательное требование, события которой будут происходить в наше время», по факту – конец 90-х прошлого века, «и в родном городе, как факультативное требование». С высоты сегодняшнего опыта, на авторский взгляд, взяться за подобный заказ неофиту – предел легкомыслия и самонадеянности. Тем интереснее результат... Изображение Evgeni Tcherkasski с сайта Pixabay. Содержит нецензурную брань.

# Содержание

Дожить, выжить, жить	4
К читателю	8
Книга 1. От лукавого. Глава 1. Командир «взвода»	18
Книга 3. Выпавший из времени. Глава 1. Лейтенанты запаса	34
Книга 1. От лукавого. Глава 2. Встретились, поговорили	56
Конец ознакомительного фрагмента.	84

# Дожить, выжить, жить

Несколько слов о романе

Знаком с прозой и стихами Германа Ломова по его первой книге. Она сразу остановила моё внимание своей предельной искренностью и откровенностью. И это было не самолюбование или искреннее удивление тем, что ты ЕСТЬ на этом свете. Это была вполне осознанная попытка понять себя, найти себя, определить своё место в меняющемся мире.

Первая книга Германа Ломова была скорее поэтическая, чем прозаическая. Она была построена по законам лирическим, хотя прозаические моменты, маленькие рассказы, ярко свидетельствовали о высоких способностях автора именно в области прозы – и ясное видение выразительной детали, и прихотливость ритма, и умение построить естественный диалог, и в динамике показать суть характера своего молодого героя. Всё это в достаточно полной мере проявилось в романе Германа Ломова «Дожить до Июля».

Роман Германа Ломова проза не просто молодая. Это – проза новая. С нею рядом нечего поставить на современном сибирском горизонте.

Нынче, и это прискорбно, и молодые стараются вписаться в поверхностный книжный рынок. Пишут на потребу книжных развалов, которые всё больше и больше напоминают мне мясные ряды.

Герман Ломов занят тем, чем от века была занята русская литература. Он пишет жизнь души – её рождение, становление, искусства, которые возникают на пути живой души к спасению (погибели?).

Интересен мне этот роман не столько внешней стороной, хотя и она любопытна – она свободна, она порою неуклюжа, но это породистая неуклюжесть, выдающая потенциальную силу и красоту. Но больший интерес рождает стремление автора написать современного героя, нового героя, рождённого качественно новыми обстоятельствами жизни. Героя неведомого, потому интересного.

Нечто подобное рождалось в молодёжной прозе шестидесятых годов, но с той разницей, что герой шестидесятых был заквашен на романтике комсомольских строек, на воспевании «комиссаров в пыльных шлемах», на прочей лживой лабуде, как сказал бы герой Германа Ломова. Роднит только стремление к откровенности, однако проза Ломова больше вызывает доверия, ибо она написана без какого-либо расчёта на конъюнктуру, без стремления продемонстрировать лояльность властям (в том числе и писательским).

Единственное стремление автора – честно и на пределе своих возможностей разобраться с душой героя, с его судьбой, с тем, что возникает в общественной жизни после его контактов с общественной жизнью.

Мне очень любопытны вставные главки о «кумирах».

Я остро ощущаю в прозе Ломова драматизм смены «ку-

миров» для молодых. От Павки Корчагина до Пола Маккартни прошла великая эпоха, подобная отступлению ледника к пределам Полярного круга или наоборот наступлению ледника на субтропические области Западной Сибири. Но это ПРОИЗОШЛО. С этим надо считаться. Надо видеть погоду на дворе и в дождливый день не рисовать на стёклах окон прекрасную солнечную погоду, не обманывать себя тем, чего нет и, возможно, не будет. Надо жить с тем, что есть. Надо понимать – что вокруг нас. Этим и занимается молодой, а он и по жизни молод – чуть за двадцать! – писатель.

У Германа Ломова есть ещё резервы и в плане художественном, и в плане содержательном. Ему ещё на практике постигать прихотливость композиции прозы, постигать богатство языка и его законы, ему ещё предстоит переход (мучительный переход!) от описания собственного опыта к творчеству мира героев, рождённых воображением на основе собственного опыта. Но начало положено и отступать нет смысла и оснований.

Рад, что есть издатели, способные разделить успех автора с читателями.

Рад рождению нового талантливому прозаика на сибирской земле.

Рад тому, что есть возможность ещё раз убедиться – жизнь продолжается.

А Герману Ломову и его герою желаю дожить, выжить и жить, выясняя своё призвание на этом свете.

Александр ПЛИТЧЕНКО

Секретарь Правления Союза писателей России

г. Новосибирск,

14 апреля 1997 года

## К читателю

В один из весенних и дождливых дней мая, стряхнув с зонта первые в году осадки небес, я вошел в двухэтажное неприметное здание по улице девятьсот пятого года.

Вероятно, от волнения, зажав правую полу плаща входной дверью, тихо выругался и стал подниматься на второй этаж по лестнице с настолько узкими ступенями, что каждый работник учреждения почти наверняка был приговорен оступить хотя бы раз... Забравшись наверх, я оглядев пройденный путь. Внезапно закружилась голова: всё-таки волнение от предстоящей встречи расшатало психику. Учитывая, что желание скатиться вниз по этим, почти невидимым в темноте ступеням было минимальным, если быть честным, его не было совсем, я поспешил отойти от лестницы и устремился вглубь коридора. Затем свернул налево на первом повороте и оказался у цели моего визита – кабинета главного редактора издательства.

Дверь была закрыта, но внутри приёмной слышались голоса.

Я отошел от двери. Было необходимо настроиться на разговор и приготовиться к самому наихудшему: «Послушайте мой совет, молодой человек – Вам никогда не следует писать художественные книги. Как впрочем, и стихи. Может быть, Вы станете великим ученым и еще напишете множе-

ство необходимых человечеству научных трудов. Но я прошу Вас еще раз – никогда больше в своей жизни не пишите художественных книг. Эта обязанность не для Вас».

– Такой монолог я не хотел бы услышать в самом страшном сне, – тихо прошептал я, стоя у давно немытого и узкого окна, едва пропускающего редкие солнечные лучи. С окна, тем не менее, капало. Вероятно, оно уже давно перепутало свое истинное предназначение, добровольно приняв на себя исполнение обязанностей ливневой канализации...

Неделю назад я уже посещал это здание. Главного редактора издательства для воплощения моих планов мне порекомендовала мать одного из моих старых, еще школьных, друзей. «Это очень интеллигентный и умный человек», – изложила она своё мнение о нём. Её мнению я верил. У меня до сих пор не было оснований относиться к её мнению скептически. Такие основания отсутствуют и сейчас.

Но неделю назад был я принят довольно прохладно.

– Добрый день, – сказал я тогда. – Я – Ломов. Вам должны были позвонить...

– Здравствуй, – ответил он, ненадолго оторвавшись от каких-то бумаг, разложенных на столе, и рукой сделал соответствующий жест: проходи, мол.

Я прошёл и без разрешения сел на один из немногочисленных свободных от бумаг, папок, рукописей и книг стульев. Он продолжал работать, не обращая на меня никак-

го внимания. Через пару минут он оторвался от бумаг, потянулся в кресле и наконец перевёл взгляд на меня.

– Принёс? – спросил он без лишних церемоний.

– Принёс.

– Давай. Через неделю заходи.

Я отдал ему книгу. Свою книгу. Свою первую книгу.

Он профессиональным жестом взлохматил страницы, прикидывая объем произведения, и всмотрелся в обложку.

– Под влиянием Гессе? – спросил он.

– Простите? – не понял я.

– Написано, спрашиваю, под влиянием его «Степного волка»?

– Я не знаю ни такого автора, ни, тем более, его произведения с таким названием, – честно признался я.

– Странно, – он закурил. – Совпадают не только имена, но и наименования произведений. Почти.

Я развел руками: бывает, мол.

– Итак, – он довольно громко уронил руку на стол, – заходи через неделю. Почитаем, сравним... До встречи.

Собирался ли он читать мою книгу один либо, судя по его словам, планировал провести некоторые консультации и обсудить её с кем-либо, я не знал. Оставалось ждать неделю...

Я дождался. И сейчас стоял, как школьник на экзамене, боясь услышать самую низкую оценку. Постепенно оптимистические нотки стали превалировать в моем настроении.

«Чтобы я не услышал сейчас, я не буду принимать это близко к сердцу. В конце концов, я знаю, что моя первая книга мне удалась. Доказательство тому – положительная оценка ее одним из профессиональных издателей Томска и отзывы бывших однокурсников», – окончательно определился я.

Тонкая струйка дождевой воды пробежала по узкому подоконнику, устремила вниз и облизала носок моего правого ботинка. Я стряхнул капли с его поверхности, отошел от окна и, опять приблизившись к двери кабинета, коротко постучал.

– Входите, – раздалось за дверью.

Вошёл.

– Добрый день.

Он улыбнулся.

– Здравствуй, здравствуй. Присаживайся. Сейчас переговорим. Есть предложение.

У меня затеплилась слабая надежда. «Неужели возьмется издавать?!» – дрогнуло что-то внутри.

Он отодвинул один из ящиков стола и извлёк из его недр моё произведение.

Книга ему понравилась. Это я понял сразу, в самом начале разговора. Он довольно подробно останавливался на её отдельных сюжетах. Какие-то ругал, какие-то одобрял. Но меня мало интересовала его оценка: все сильные и слабые стороны моего детища были видны мне и без этого.

Я терпеливо стал ждать развязки беседы.

– Итак, теперь ближе к делу, – выдержав достаточно долгую паузу, начал он. – Есть предложение. В настоящее время наше издательство выпускает серию книг. Предложение заключается в следующем. Я даю тебе необходимые исходящие, а ты через годик – полтора кладёшь мне на стол все свои наработки.

– А с этим? – растерянно спросил я, указывая на предмет моей гордости – книгу, которую он только что так нахваливал.

– Хорошая книга, – пытался он уйти от ответа.

– Издаёте? – прервал я его.

– Нет, – коротко отрезал он.

– Причины?

– Книга носит некоммерческий характер.

– Постойте, – окончательно запутался я. – Если книга хорошая, то зачем ей носить коммерческий характер?!

– Лучше бы она была бездарной, но носила коммерческий характер, – он опять ушел от ответа на вопрос.

– Тогда что в Вашем понимании есть этот «коммерческий характер»?

Он понял, что я на взводе. Вероятно, понял, ибо решил опередить меня.

– Ты будешь слушать мои условия? – зло спросил он.

Я кивнул.

– Другой разговор. А с книгой я помогу. Потревожу своих коллег. Может, из них кто решиться. Меня же извини: тема-

тика не моя.

– Я слушаю, – вяло прервал я его, не надеясь на помощь.

– «Слушаю», – передразнил он. – Ты не слушай, ты размышляй. Авторы порой годами ищут себе издателя. Некоторые так и умирают: кто – в поиске, кто – в отчаянии. Ты же нашёл издателя, еще не имея произведения, которое будет издаваться. Ты думаешь, это шуточки, парень? Я даю тебе прекрасный шанс. Работай и у тебя всё получится. А главное, верь в себя.

«А правда, чего это я, действительно, размяк?» – спросил я себя. – «Он же прав. На все сто прав. Вот, Губанов, например. Умер в тридцать восемь, кажется, а за все время только пару стихов в «Юности» сумел «пробить». Или Ерофеев. Его «Москва – Петушки» даже после смерти автора днём с огнём не сыскать. Или Довлатов... А тут – работай да только сопли рукавом утирать успевай».

– Ваши условия, – загорелся мой взгляд. Мне так показалось во всяком случае.

– Другое дело, – одобрил он. – Условия следующие: художественное произведение объёмом не менее четырехсот страниц.

Я присвистнул и почесал затылок.

Он не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

– Жанр. Любой из следующих. Детектив, ужасы либо мистика. Плюс к тому, дополнительное условие: действие должно происходить в наше время и, это уже по возможно-

сти, в нашем городе.

– И все это за год – полтора? – спросил я.

– Почему нет?

– Булгаков делал «Мастера...» двенадцать лет, а объём там вряд ли на четыре сотни страниц вытянет... .

– А Тургенев делал «Накануне» тринадцать недель, – оборвал он.

– Согласен, – окончательно сдался я. – Договор? Оплата?

– Договор – после сдачи рукописи.

– А гарантии?

– Пока никаких.

– Неплохо, – ни мог не съязвить я. – Тоже самое Вы мне скажете через год?

– Критериев к рукописи только два. «Да» или «Нет». Могу сказать «нет» и через год.

– Понятно, – я опять почесал затылок. Что мне оставалось делать, в любом случае? Встать, хлопнуть дверью и уйти? И больше никогда не братья за перо? Значит, сдаться. Я не мог.

– Оплата?

Он назвал тариф за авторский лист и общую сумму договора при условии исполнения произведения на четырех сотнях страниц.

Я ещё раз саркастически почесал затылок. Он опять не заметил. Или опять сделал вид, что не заметил. За названную им сумму нельзя было купить даже спальный гарнитур

приличного пошиба.

– Мои дальнейшие действия?

– Через неделю занеси мне для ознакомления короткий план будущего произведения объемом не более полутора – двух страниц. В случае его одобрения можешь начинать работу.

Я посмотрел в окно. Дождь закончился. Разговор тоже.

Поднявшись, я простился и собрался уходить.

– Подожди, – окликнул он меня у самой двери.

– Да, – я обернулся.

– Чуть не забыл. Условие специально для тебя: никакого мата в романе. Я к нему отношусь снисходительно, но среднестатистический читатель...

Простившись теперь уже до следующей недели, я вышел на улицу. Чуть не свернув себе шею на узких ступенях злощастной лестницы у входа в здание при этом.

Злой, несмотря на то, что Солнце ловко поигрывало лучами и установилась почти летняя погода, я пересёк улицу, названную в честь далеких январских событий девяностолетней давности, и направился в сторону железнодорожного вокзала города...

И вот, читатель, книга перед Вами.

Ограничить её одним жанром как-то не получилось. Может быть, в ней совершенно отсутствует жанр детектива, хотя изначально книга планировалась к изданию в соответству-

ющей серии. Но то, что она исполнена на стыке двух жанров – ужасов и мистики – гарантирую.

Постарайтесь не обращать внимания на кажущуюся нелогичность расположения её составных частей. Эта нелогичность, действительно, кажущаяся, поэтому рекомендую читать все по порядку.

Всё изложенное в романе, за исключением мистики, конечно – действительность. Сохранена даже лексика диалогов. Изменены только имена героев и наименования административно-территориальных единиц. По вполне понятным и определённым причинам впрочем.

Если после прочтения первых четырех глав Вам станет скучно, мой Вам совет: забросьте книгу подальше, продайте или подарите, наконец, своему злейшему врагу. С паршивой овцы хоть шерсти клок...

Я же в один из дней работы над книгой понял, что я действительно играю не на равных со смертью в жестокую и страшную игру, в которой изначально обречён на проигрыш. Что устремил я свой нахально–хамский взор и татарскую жестокостью, хитрость и мстительность далеко за рубеж пограничной полосы запредельности.

Что если мои «ставки», сделанные во второй главе первой книги, окажутся ошибочными, то...

И что умирать я буду, скорее всего, в ужасных муках и от страшной болезни. Как Булгаков, к примеру... И высота достигнутых вершин здесь ни при чём.

Автор

# Книга 1. От лукавого. Глава 1. Командир «взвода»

*... так кто же ты, наконец?*

*– Я – часть той силы,  
что вечно хочет зла  
и вечно совершает благо.*

*Гёте «Фауст»*

*Всему своё время, и время всякой вещи под небом.  
Время рождаться, и время умирать;  
время насаждать, и время вырывать посаженное...  
Время любить, и время ненавидеть;  
время войне, и время миру.*

*Еккл.: 3:1, 2, 8*

– Командиры подразделений – ко мне, – крикнул он и, уставший, опустился в томно-белую мякоть облака.

Конечно, он устал. Ему казалось, что весь объём работ, проделанный его взводом за прошедшие земные сутки, не соотносим даже с трудом Сизифа.

Босния и Хорватия, Палестина и Израиль, Пакистан и, наконец, таджико-афганская Черта – такова география боевых операций его подчиненных на исходе заканчивающихся су-

ток. И в каждом районе дислокации – один и тот же алгоритм: изучение плановых траекторий снарядов враждующих сторон, определение воздушных коридоров для перемещения летательных аппаратов, установка воздушных металлозаборников и корректировка огня.

Этот алгоритм он знал наизусть. Не отставали от своего начальника и подчиненные. В какой-то степени до недавнего времени это и способствовало успешному и безукоризненному выполнению задач, стоящих перед его подразделением. Пока кто-то там, наверху не додумался произвести обновление штатной численности его взвода. Опытные служащие уходили, на их места приходили новички. Эти «новеллы» и были причиной досадных недочётов при проведении последних боевых операций. А эти самые недочёты, в свою очередь, являлись причиной пресквернейшего расположения духа, в котором, отдыхая, пребывал командир взвода «16-В» департамента ЗНМ Второго Локала Нирал.

– Командир первого...

– Командир второго подразделения...

– Командир третьего подразделения прибыл! – услышал он справа от себя, открыл глаза и, опершись на локоть, пригласил подчиненных располагаться.

Подчиненные присели. Нирал вяло и устало улыбнулся, пытаясь настроиться на доброжелательный лад, и начал проводить анализ ошибок и просчётов.

– Всё плохо! – без долгих церемоний резюмировал он. –

Поставленные задачи, конечно, выполнены, но каких счастливых совпадений это стоило! По первому подразделению. При проведении боевых операций на таджико-афганской Черте установление и фиксация металлозаборники проведены с ошибочной градусной величиной, не учтены поправки на порывы ветра и рельеф местности. В итоге по району боевых действий осталось не востребовано около тридцати объемов санданового металла, что составило отклонение в размере восьмидесяти семи кубов против тридцати шести допустимых. Учтено?

Возглавляющий первое подразделение, соглашаясь, кивнул.

– Теперь о действиях второго подразделения. Незначительность срока Вашего пребывания в должности, – обращаясь к командиру, заметил Нирал, – ещё даёт Вам право на ошибки. Но! Давеча близ Сребренницы, Вами принципиально неверно было выбрано место дислокации металлозаборника: снаряд, стартовавший из Нулевого Локала, прошёл в недопустимых пределах от места его расположения. Вы можете самостоятельно проанализировать причины происшедшего?

– С моей стороны был недостаточно учтен ситуационный принцип размещения огневых рубежей, отдельных огневых точек и целей потенциального поражения обеих сторон.

– Верно, – согласился Нирал. – Что ещё?

Подчинённый пожал плечами.

– Не были учтены места дислокаций и расположение воздушных коридоров летательных аппаратов стандартного взлёта обеих сторон, второе, то же самое, только в отношении летательных аппаратов вертикального взлета. В чём причина? Лень? Профессиональная недалёковидность? Разберитесь с этим! Здесь ничего сложного нет: определяете места дислокации летательных аппаратов обеих сторон, далее – расположение и направление их воздушных коридоров, а затем, учитывая места расположения поражающих установок и будущие траектории снарядов, проводите установку и фиксацию металлозаборников в соответствующем градусе подальше от пересечения означенных абсид. Всё! И, наконец, третье: опять не были учтены поправки на порывы и направления ветра. Это...

Нирал прервал речь и взгляделся вдаль. Там, на линии горизонта, чётко вымеренным шагом, не спеша ступая по сгусткам мягких, как первый снег, облаков, по направлению к нему приближался курьер директора департамента ZHM – Гараллон. Собственной персоной.

– Наблюдатель! – зло выкрикнул Нирал исполняющему указанные обязанности. – Почему молчишь о приближении посыльного? Никакой дисциплины!

– Виноват, – послышалось справа. – К Вам направляется курьер директора департамента.

– Вижу уже...

Он поднялся с нежного ложа – облака, оправил униформу

и оглядел подчинённых.

– Пока свободны. Ошибки и просчёты третьего звена разберём позже.

Он уже предчувствовал неладное. По тому, какой походкой следовал курьер, разглядев выражение его лица, Нирал понял, что новости посланника «будут достаточно грустны»...

– Чем обязан? – спросил он Гараллона, поравнявшись, после короткого рукопожатия.

– Присядем? – оглянулся тот.

– Располагайся, – предложил Нирал, указывая на ближайшее облако.

Оба мягко разместились на воздушной перине.

– Пакет в твой адрес, – Гараллон нехотя передал Ниралу запечатанный конверт. – Распишись.

Нирал оставил автограф на протянутом бланке и стал изучать конверт. «Командиру взвода «16-В», – прочёл он в графе «адресат». «Директор департамента ЗНМ», – виднелись ниже подпись и должность отправителя.

– Серьёзно, – вслух отметил Нирал. – Что внутри, не знаешь, часом?

– Откуда мне знать? – вяло отмахнулся Гараллон. – Я только курьер – конверты не запечатываю. Могу, разве что, предположения высказать.

– Ну.

– Зачем? Распечатай конверт и узнаешь.

– Страшно, – честно признался Нирал. – Он по пустякам письма писать да курьера гонять не станет. Здесь что-то серьёзное.

Гараллон лёг на спину, закинул руки за голову и перешёл на еле слышимый шепот.

– Закончилась, похоже, коллега, наша карьера в этом департаменте. Переводят наш состав. Одного за другим переводят. Какая-то новая кадровая политика идёт там, – Гараллон указал взглядом наверх.

– Куда? Куда переводят-то? – зачем-то спросил Нирал, хотя сам всё прекрасно понимал.

– В курсе уже, куда твои ребята ушли?

Нирал отрицательно покачал головой.

– Всех в Нулевой Локал направили и по утробам распищали: Стерх теперь в Китае где-то, Портер – в Индонезии, Антей – в Камеруне.

– Да ну... – с недоверием переспросил Нирал.

– Всех определили. Стёрли память и лежат сейчас твои ребята неразвитым мясом в утробах будущих матерей – обитательниц Нулевого Локала, – цинично усмехнулся Гараллон. – А какие специалисты были! Что они, мало санданового металла сэкономили?

Нирал сокрушенно покачал головой: его ребята, гордость взвода «16-В», сейчас находились в женских утробах с еще не сформировавшимися головками, ручками и ножками.

Он зло сплюнул от бессилия.

– Ладно, прощай, – поднялся Гараллон. – Пора. Мне ведь тоже конверт вручили. И визит к тебе – моё последнее задание. К семнадцатому алькору я должен присутствовать на Станции.

– Может всё-таки наверх заберут?

– Кому я там нужен? – Гараллон вяло ухмыльнулся. – Курьер директора департамента. Тоже мне, велика должность. Если даже твоих ребят в животы в Нулевом Локале запихали...

– Ладно, давай почитаем, что там мне предлагает непосредственное начальство, – Нирал собственноручно распечатал конверт, извлёк вложенный в него лист, развернул. Вчитался.

С листа еще неизвестного человечеству материала на него немигающим взглядом смотрел новый поворот судьбы. Что он принесёт? Окончание карьеры в департаменте ЗНМ? Бесспорно. Но что дальше? Ему, как и его подчинённым, сотрут память и направят на гниение в Нулевой Локал? Девять земных месяцев в утробе, а затем еще невесть сколько до смерти? Или?

«Или», – уцепился Нирал за промелькнувшую надежду.

– Гараллон, – окликнул он курьера, – не знаешь соотношение градусных объемов уходящих в Нулевой Локал против высших локалов?

– Последние данные со Станции: триста четырнадцать

против двадцати семи.

– Постой, а куда делись еще девятнадцать величин?

– Видишь ли, во всех отчётах присутствует ещё какая-то цифра. В последнем отчёте этой третьей цифрой значилось девятнадцать. Что кроется за ней, я не знаю, – ответил Гараллон.

– Так, – вслух анализировал Нирал. – Получаем соотношение: триста четырнадцать против сорока шести... У нас ещё есть шанс, коллега!

– Триста четырнадцать против сорока шести? – с недоверием усомнился курьер. – Это шанс? Это – издёвка. И потом, почему «против сорока шести»? Против двадцати семи, еще куда ни шло. Ты же даже не знаешь, что означает третья цифра в отчётах. По «этой статье» могут так заслать, что пребывание в Нулевом Локале покажется Эдемским Садам.

– Ниже Нулевого Локала, по мне, дальше падать некуда и хуже быть уже не может.

Нирал сложил лист, поместил его в конверт и передал Гараллону.

– Здесь приписка, что на имеющиеся вопросы, я могу получить ответ на личной аудиенции у директора департамента. Когда?

– Я передам ему твою просьбу и в течение суток он тебя примет, – кивнул Гараллон. – Ведь это твоё право, отраженное в Регламенте. Бывай.

Дождавшись, когда курьера скрыла линия горизонта, Ни-

рал вернулся в расположение вверенного взвода.

– Вас лишили каких-то полномочий? – подчинённые явно что-то почувствовали.

– Всё течёт, всё меняется... – уклончиво ответил Нирал. – А что вы думали? Что я вами до нового Всемирного Потопа командовать буду? Или до грядущей битвы в Армагеддоне?

Подчинённые всё поняли и, не зная, что ответить, стояли молча.

– «Всему свое время, и время всякой вещи под небом» – так говорит Регламент, – обреченно улыбнулся Нирал. – Вот и моё время заканчивается. Вот близится и мой предел. Все уходят. И проходит всё. Даже память не остаётся... Сначала ушли подчинённые, теперь – дело за командиром. Теперь и мне пора.

Он стал всматриваться в направлении Станции, ожидая Света Колонны – взгляда Правого Ока Главного – Солнца. Этот взгляд переводил обитателей Второго Локала в Нулевой либо иные сферы Разума. Свечение не заставило себя долго ждать: столб ярко-белого света внезапно вспыхнул, не спеша прошелся по территории Станции и исчез также внезапно, как и появился.

Подчиненные молчали.

– Ну, чего взоры-то потупили? Расслабиться решили? Мол, нет теперь начальника, значит – анархия полнейшая, – внезапно рассмеялся Нирал назло будущему. – Первый, какое моё последнее распоряжение в отношении Вашего зве-

на?

– Ликвидировать возникшее отклонение санданового металла последней операции, составившее восемьдесят четыре куба.

– Исполнять! Всех касается! – и, не прощаясь, будто уходит на мгновение, стал удаляться.

Только на горизонте он обернулся и долго-долго махал своим помощникам рукой, пока сгустки пролетающих облаков не скрыли подчиненный ему взвод.

Он дошёл до высокой лестницы и, помедлив, остановился.

– Поднимайся наверх, – раздался сверху властный, но мягкий голос. – Я уже жду.

Нирал оправил униформу и устремился наверх, с каждым шагом оставляя позади ступень за ступенью.

– Командир взвода «16-В» прибыл! – преодолев последнюю, согласно Регламенту доложил он непосредственному начальнику.

– Проходи ближе. Можешь присесть, – пригласил его директор департамента ЗНМ Мартель. – Я скоро закончу.

Назорейский пробор, густые прямые каштановые волосы, вьющиеся на концах, борода, разделённая надвое по назорейскому обычаю. Облик Мартеля остался неизменен со времён Воскресения и Восшествия. Изменилось только Имя.

Дождавшись, когда подчиненный устроился в предложенном кресле, Мартель оторвался от изучения информации,

только что поступившей со Станции.

– Слушаю, – произнёс он, оглядев посетителя.

– Можно ознакомиться с информацией со Станции?

– Да, она во всём соответствует предпоследней: триста четырнадцать величин против двадцати семи.

– По каким критериям отбирают во вторую группу?

– Этим нужно интересоваться у инициаторов отбора – Главного либо у директора департамента NHV.

– Тогда последний вопрос: Ваш курьер. Его дальнейшая судьба?

– Гараллон? Вы были знакомы?

– Да, – кивнул Нирал.

– Я рад за него, – сказал Мартель, уточняя данные, поступившие со Станции. – Он вошёл в сумму второго числа...

Нирал улыбнулся. «Значит, всё-таки, можно. Есть надежда», – радостно подумал он.

– Прощайте, – тем временем ответил Мартель. – Вас уже ждут...

Нирал направился на Станцию. Вскоре вдалеке показались её устрашающие вышки, посты охраны и ограждение территории, установленные неизвестно кем и для чего. Бежать с территории Станции?! Зачем? А главное, куда и от кого? Дальше себя и Второго Локала убежать ещё не удавалось никому...

С разных направлений к Станции двигались обреченные

обитатели Второго Локала. Большинство из них, тем не менее, надеялись на лучший исход.

– Должность? Имя? – спросил у Нирала, как только тот приблизился к одному из входов на Станцию, служащий контрольного пункта.

Нирал назвался. Слуга карательной машины долго всматривался в листы еще неизвестного человечеству материала, видимо, сверяя услышанное со списками, затем буркнул очень тихо, будто для себя, «есть такой» и позволил теперь уже бывшему командиру взвода «16-В» пройти на территорию Станции.

– Чего делать-то теперь? – плохо скрывая волнение, нервно спросил Нирал.

– Проходи дальше к центру Станции и ложись на спину в любом понравившемся тебе месте, – ответил служащий.

– А где лучше?

– Лучше в самом центре: переход будет мгновенным, неожиданным, а потому менее болезненным. Да и волнений меньше.

Выбрав свободное место, Нирал сел, в последний раз огляделся вокруг, одновременно прощаясь с окружавшим его во Втором Локале, и, пытаясь как можно больше запомнить из увиденного, решившись, лёг на спину и закрыл глаза.

«Справедлив ли я был? Исполнителен ли? Достаточно ли суров и доброжелателен одновременно по отношению к подчиненным?» – внезапно стали терзать его разум неизвестно

откуда взявшиеся и явившиеся не вовремя мысли.

«Пусть это покажет результат перехода», – сам для себя решил Нирал. – «Если не окажусь в Нулевом Локале, значит, на все вопросы можно будет ответить утвердительно, если нет...»

Ждать пришлось недолго. Он даже не успел сформулировать фразу до конца.

Когда отворились Небеса Небес и оттуда последовал Свет Колонны – Взгляд Правого Ока Главного – Солнца, тело Нирала дёрнулось, болезненно выгнулось, затем обмякло и... исчезло с территории Станции Второго Локала. Будто бы никогда здесь, во Втором Локале, не находилось.

И только последняя информация, поступившая со Станции, содержала в себе сведения, что «бывший командир взвода «16-В» Нирал действительно присутствовал во Втором Локале в течение одного миллиона ста двадцати восьми тысяч алькоров, после чего был переведён...»

Невоенный гарнизон

Они готовы были за друга жизнь отдать,  
Глоток последний фляжки отдать были готовы,  
Но вызвал командир его, сказал: «Тебе пора!  
И завтра ты покинешь пределы гарнизона».

Вернувшись к вам, он бросил фуражку на газон,  
Прилёг и сам. «Я ухожу». И потянулся сонно.

В ответ вы промолчали, но каждый вспоминал  
Его последние бои в составе батальона.

Металась взаперти душа, он на локте привстал,  
Спокойно прикурил, но молвил раздражено:  
«Забудут командир и подчиненные меня,  
Как только я покину пределы гарнизона.

И даже в памяти у вас не будет места мне,  
Зачем ушедших помнить? Нет резона.  
И только плиты на плацу да кроны тополей  
Запомнят, как я покидал пределы гарнизона».

Назавтра, тихим утром, покуда сон ещё  
Не думал оставлять доверенного трона,  
Он тихо вышел и уже никто и никогда  
Не помнил, как он покидал пределы гарнизона.

... Пациент обессилено открыл глаза и поднял голову. Его  
оказывали незнакомые лица.

– Где я? – спросил он, собрав оставшиеся силы, у склонив-  
шегося над ним незнакомца в черном плаще, черной шляпе  
и серебряной цепью с кулоном, изображающем пятиконеч-  
ную звезду, заключенную в окружность.

Незнакомец улыбнулся широкой и светлой улыбкой.

– Кто Вы? – ответил он вопросом на вопрос.

– Бывший командир взвода «16-В» Второго Локала, – изрёк Нирал заученную наизусть фразу, пока ещё не понимая намёка незнакомца.

– Правильно, – ободряюще согласился тот. – Вас окружают лица, облачённые в чёрные одежды. Не в белые, заметьте, в чёрные. Это первое. Второе: Вы умеете говорить. И третье: Вы помните своё имя, которое, кстати, заметьте, у Вас уже имеется, и бывшую должность. Значит, у Вас есть память. Следовательно...

– Следовательно, я – не в Нулевом, – перебил его Нирал и широко улыбнулся, окончательно разобравшись с местом своего пребывания и овладев ситуацией.

Тело его обмякло, силы покинули и он опять опустился на сооружение, еле-еле напоминающее устройство для отдыха в Нулевом Локале – кровать.

– Доктор, – позвал он незнакомца.

– Я слушаю, – улыбнулся тот неожиданному обращению.

– Вы ещё не назвали, как минимум, две причины.

– Неужели? – искренне удивился «доктор», не переставая улыбаться. – Какие же?

– Мои габариты не соответствуют габаритам вновь рожденного в Нулевом Локале и я не издал первородного крика.

– Действительно, – задумался «доктор». – Этого я не учёл. Да Вы не только шутник, но ещё и умница, «пациент».

– Есть немного, – согласился Нирал.

– А теперь – отдыхать, – сделавшись серьёзным, приказал

«доктор».

И Нирала, к его удивлению, окутала пелена сна – давно забытого им во Втором Локале состояния.

– После реабилитации доставить ко мне, – указывая на спящего, железным тоном приказал «доктор» – директор департамента NHV Вомилан – окружающим его подчинённым и в сопровождении свиты перешёл к другому счастливицу, который, как и бывший командир взвода «16-В» Нирал, благодаря удачному повороту Судьбы оказался в Третьем Локале.

Им оставили Память. Значит, им крупно повезло на этот раз.

# Книга 3. Выпавший из времени.

## Глава 1. Лейтенанты запаса

*...Дар поэта – ласкать и карябать,  
Роковая на нем печать.  
Розу белую с черной жабой  
Я хотел на земле повенчать.  
Пусть не сладились, пусть не сбылись  
Эти помыслы розовых дней.  
Но коль черти в душе гнездились –  
Значит, ангелы жили в ней.  
С.А. Есенин «Мне осталась одна забава»*

*Все дни счастливых – как один,  
Средь них они не выбирают.  
Несчастные считают каждый день,  
Но и его потом теряют.  
Драйден*

Пригнувшись, дабы не быть замеченными изнутри, они пробрались к одному из окон одноэтажного здания.

– Кепку сними, – кивнув на армейскую пилотку, шёпотом посоветовал один другому. – Правила маскировки учил к эк-замену?

– Какие правила?! – огрызнулся второй. – Я своё имя перед экзаменами забываю. Идём к другому окну. Вон там, по-моему, ветви неплохо закрывают стёкла. Можем остаться незамеченными.

Подобравшись к окну, они сняли пилотки, осторожно заглянули внутрь здания и, мгновенно оценив обстановку за стеклом, отпрянули от окна.

– Видел? – спросил один, среднего роста темноватый блонд, надевая очки и пилотку.

– Угу, – кивнул второй, непривычно коротко остриженный шатен. – Свободны два последние стола. Их нужно занять как можно быстрее.

Они обогнули угол здания и оказались у входа.

– Идём перекурим – время ещё есть, – хлопнул один другого по плечу, заметно нервничая.

Отошли к «курилке» – трём скамьям и врытой в землю по самую горловину огромной бочке, почти цистерне. Шатен закурил. Блонд, как всегда, отказался – некурящий.

– Слушай, Граф, – глубоко затянувшись, отчего сигарета уменьшилась почти на четверть, нервно рассмеялся шатен, обращаясь к блондину, – на хрена ты очки снял, когда мы в окно заглядывали?

– Заглядывает гинеколог, а лично я проводил оценку «боевой обстановки», – беззлобно огрызнулся блондин.

– Ладно выстебываться<sup>1</sup>. Отвечай по существу.

---

<sup>1</sup> Исправлена ненормативная лексика.

– «А ты правила маскировки учил к экзамену?» – пере­дёрнул блондин недавно произнесенную шатеном фразу.

– А причём здесь очки?

– Сообрази. Ты же, батенька, у нас король маскировки. А блики от них?

– Логично, – согласившись, шатен жадно почесал шею. – Ладно, стратег, ближе к телу. Обговорим всё последний раз, чтобы никаких сбоев. Первым захожу я и сажусь за...

– Предпоследнюю парту, – закончил за него блонд.

– Верно. Затемходишь ты и садишься?

– Сзади тебя.

– Нормально. Кстати, Граф, не начинай сразу тыкать мне авторучкой в спину, как только возьмёшь билет и усядешься, – напомнил шатен.

– Хорошо, Поручик, – наивно улыбнулся Граф, – я тебя циркулем ткну.

И рассмеялся. Шатену тоже понравилась игра слов. Стиль взаимных подколов, выбранный ими однажды, стал визитной карточкой дружеских отношений между ними. Добрая ирония в их общении устраивала обоим и была их постоянным спутником.

– Я серьёзно, – предложил шатен. – Подготовь ответы на все вопросы, какие только сможешь.

– Хорошо, – согласился Граф. – Затем я обращаюсь к экзаменатору с вопросом, могу ли я подойти к оружию, нормативы по сборке или разборке которого я должен буду вы-

полнить.

– Точно. Вид оружия – это пароль. Получаешь согласие экзаменатора. Твои дальнейшие действия?

– Жду, когда ты подбросишь «шпору» в материалку «много» оружия. Так?

– Почти.

– Не понял, – блонд не видел своей ошибки.

– Мне тебе все «шпоры» запихать?

– Нет, одну.

– Интересно, какую?

– А, – понял блонд. – Точно-точно. Сначала я наклоняюсь вперёд и говорю тебе, какая «шпора» мне нужна, а потом уже жду, когда ты мне её подбросишь.

– Далее. Затем я спрашиваю разрешение на доступ к своему оружию и, якобы забываясь, подхожу к «твоему», куда и подбрасываю «шпору». Остальное – дело твоего умения и ловкости рук. Теперь ответь мне, где ты будешь искать размещённую «шпору», например, в АКМе, РПК<sup>2</sup> и их модификациях?

– Задняя панель, место хранения принадлежностей.

– Так. А в РПГ-7<sup>3</sup>?

– В раструбе.

---

<sup>2</sup> Автомат Калашникова модернизированный, РПК – ручной пулемет Калашникова, модификации – АК-74, АК-74у, РПК-74, АКСУ и прочие.

<sup>3</sup> РПГ-7 – ручной противотанковый гранатомет.

- Верно. СВД<sup>4</sup>?
- Тоже, что и в автоматах.
- ПКМ, ПКТ<sup>5</sup>?
- Лента для патронов, третья ячейка слева.
- КПВТ<sup>6</sup>?
- Аналогично.
- Что у нас ещё осталось?
- ПМ<sup>7</sup>. В кобуре.
- Точно. Идём на крыльцо.

Шатен коротким щелчком пальцев направил окурок в зарытую цистерну. Они чуть ли не одновременно поднялись, поправили армейские ремни и подошли к крыльцу.

– Следующий! – зычно грянуло из-за дверей одноэтажного домика.

На лицах ожидающих отразился легкий симбиоз испуганной улыбки и страха.

– Кто? Кто? Следующий кто? Кто пойдет? – пронесся слабый шепот над головами столпившихся у крыльца курсантов.

Шатен еще раз оправил гимнастерку, ремень и открыл дверь внутрь помещения.

---

<sup>4</sup> СВД – снайперская винтовка Драгунова.

<sup>5</sup> ПКМ – пулемёт Калашникова модернизированный, ПКТ – пулемёт Калашникова танковый.

<sup>6</sup> КПВТ – крупнокалиберный пулемёт Владимиров танковый.

<sup>7</sup> ПМ – пистолет Макарова

– Давай, Поручик! – коротко ткнул его в спину Граф.

– Нималов! Молоток! Давай! Ни пуха, ни пера! – опять пронеслось над головами курсантов вздохом облегчения...

– Товарищ подполковник, курсант Нималов для сдачи государственного экзамена на звание лейтенанта запаса вооруженных сил России прибыл, – доложил он, стоя перед столом экзаменатора.

– Бери билет и иди готовься.

Как они и договорились с Графом, Нималов сел за предпоследнюю парту, достал ручку, и склонился над заветными листами бумаги, каждый из которых украшала неизвестная ему доселе виза – борьба с «парашютами».

Зная старый наказ вождя пролетариата, они с Графом решили идти другим путём: все «шпоры» лежали сейчас в карманах Нималова. Размер каждой составлял не более девяти квадратных сантиметров, по карманам они были разложены в строгой последовательности и единственное, что нужно было сделать для успешной сдачи экзамена, это умело извлечь из нужного кармана необходимый лист.

Нималов начал работать. Через десять минут вошел Граф, доложил о прибытии – глупее процедуры не придумаешь: экзаменатор и без того знал каждого входящего в лицо, по фамилии и имени – и, выбрав билет, прошёл за последнюю парту.

Ещё через пару минут Нималов закончил подготовку и стал ждать информации от Графа. Тот почему-то не спешил.

– Курсант Снежин. Следующий Нималов, – объявил экзаменатор.

Ситуация приобретала непредвиденный оборот. Времени оставалось не более трёх-пяти минут. Граф молчал.

Нималов нарочно уронил линейку под парту и, будто бы устремившись на её поиски, нырнул под стол. Подобрав железную пластину, он постучал ею по щиколотке сидящего сзади. Граф недоуменно заглянул под стол.

– Ну и? – тупо улыбаясь снизу, спросил его Нималов.

– Чего? – не понял Граф.

– Тебе «шпора» нужна?

Граф внезапно посерьёзnel.

– Бля, Поручик, совсем забыл. Нужна, конечно. Действие комвзвода в обороне.

– Оружие? – пользуясь моментом, чтобы не проводить махинацию с закладкой «шпоры», спросил Нималов, но ответа получить не успел.

– Князев, – обращаясь к Графу, повысил голос экзаменатор. – У тебя там что, баба под столом в штанах копается?

– Нет, Нималов.

– Нималов в штанах копается? – рассмеялся подпол.

Нималов, ложно обвиненный в педерастии, смутившись, вылез из-под парты.

– У меня линейка упала, – оправдываясь, начал он.

Граф тем временем поднял руку для вопроса.

– Чего тебе? – обратил на него внимание подпол.

– К гранатомету для подготовки практического задания?

– Валяй.

Нималов извлёк нужную «шпору» и тоже поднял руку.

– А у тебя что?

– Аналогичный вопрос.

– Тебе уже пора идти отвечать.

– Две минуты, товарищ подполковник.

– Ладно, но только две, – «сдался» экзаменатор.

Получив согласие, Нималов направился к гранатомёту. «Шпора», сложенная вчетверо, была зажата между указательным и средним пальцами левой руки. Движением руки он ловко разместил спасительный для Графа лист в раструбе гранатомёта и повернулся к парте, на которой покоился модернизированный пулемет Калашникова.

– У тебя какое оружие? – посерьёзnel подполковник, почувяв неладное.

– ПКМ.

– А чего ты тогда между столами шляешься? Ищешь знакомые контуры?

Ситуация складывалась нелицеприятная. Не мог же Нималов сознаться, что не может отличить ПКМ от РПГ-7. Экзаменатор ждал. Граф тем временем подошел к гранатомету, незаметно завладел предназначенной «шпорой» и бросился на выручку поделщика.

– Товарищ подполковник, – начал он, – это Нималов от обвинений в педерастии отойти не может. Вот и плурует...

Курсанты, находившиеся в кабинете, заржали конями. Экзаменатор, припомнив недавний казус Нималова, довольный, осклабился и инцидент, похоже, был исчерпан. Дождавшись, когда истекнут обещанные две минуты, он низким басом известного генерала объявил:

– Курсант Нималов. Следующий Князев.

Нималов начал отвечать. Разобравшись с теорией, он перешел к парте с ПКМ и на время произвел подготовку оружия к бою. Согласно нормативу уложился в «хорошо».

– Молодец, – похвалил его напоследок экзаменатор. – Поздравляю со сдачей государственного экзамена. Теория – «отлично», практика – «хорошо», общая – «отлично». Готовься в армию. Такие люди нам нужны. И не шлейся больше по чужим мужским штанинам...

Нималов вышел из кабинета.

«Тьфу ты!» – зло сплюнул он на крыльце здания. – «Ну и пожелания! Что первое, что второе». И нервно закурил, направившись к закопанной по самую горловину цистерне.

Через некоторое время на крыльцо вышел Граф.

– Ну? – вяло поинтересовался Нималов.

– Можешь поздравить.

– С чем?

– «Четвертак» зубами вырвал. Если б не ты – мог вообще не сдать. Поэтому предлагаю купить бутылку соответствующей торжеству жидкости: воинское звание лейтенанта не

каждый день, всё-таки, получаем.

– Да-да, конечно, – резко оживился Нималов. – Идём.

На военный городок тем временем накатывался живописный летний вечер заканчивающегося июля года Петуха.

Жаждающие спиртного, они вышли на автостраду и направились против движения транспорта к придорожному автошопу.

Вечерняя прохлада уладила придорожную пыль. Проезжающие авто, пытаясь не спугнуть её легкий сон давящим грохотом плохо закрепленных мостов, пронеслись резко и быстро.

– Слушай, Граф, ты зачем дуру включил на экзамене, когда я под парту залез? – вяло поинтересовался Нималов.

– Поручик, чес слово, забыл обо всём напрочь.

– Да как можно...

– Не знаю, – перебил его восклицания Граф. – Я же тебе говорил, перед экзаменами порой собственное имя забываю. Даже резко головой мотнуть боюсь – вдруг что-нибудь вылетит.

Нималов хмыкнул. Дальше шли молча. Наконец добрались до стандартного автошопа на обочине.

– Ладно, хрустальная башка, сколько брать будем? Семь или половину? – спросил Нималов, оглядев витрину.

– Давай сразу литр.

– А не обрыгаемся?

– Нам же целую ночь вокруг лагеря шарашиться придёт-

ся, – тоном, не терпящим возражения, заявил Граф. – Мы же в патруле. Ты что, забыл?

– Бля, – Нималов будто забыл об армейских обязанностях. – Надо что-нибудь ещё с закуской наколдовать.

– Тоже верно. Только что?

Ничего стоящего витрина не содержала: ни чипсов, ни креветок, ни колбасы, даже тушенки не было.

– Вот падлы! – выругался Граф. – Смотри, чем они служителей дорог потчивают. Жрать ни хера нет.

– А давай сухой корм для котов возьмём? – внезапно предложил Нималов.

– Да ну, – засомневался Граф. – Что уж совсем опускаться-то. Что мы, коты что ли?

– Коты, не коты, а от них недалеко ушли. Мировой закусон, к тому же.

– Будто ты пробовал, – с недоверием усомнился Граф. – Не, Поручик, я эту херню ни за какие посулы есть не стану. Я себя пока что ещё уважаю.

– А я, значит, нет?

– А ты – нет, если всякое говно в рот тащишь, как пёс шелудивый.

– Так нет же ничего...

– Ладно, давай, – сдался Граф.

Будучи знакомыми неполные три года, они понимали друг друга с полуслова по каким-то почти невидимым совместным чертам характера. Одной из них был совместный ни-

гилизм. Не глобальный, доводящий до сумасшедшего дома, но легкий, слегка сатирический, почти шутовской. Совместные пьянки их были тому примером. Начавшиеся спокойно и чинно, они могли закончиться невесть где и как. Нет, они не были эстетствующими особами. Они были парнями, которые «себе на уме». И, может быть, именно это их и объединяло.

– Идём, Поручик, чего шары-то пучить, – толкнул его Граф локтём в бок. – В старости ещё пригодятся.

Нималов, не отходя от киоска, почти шальными глазами от предстоящей выпивки изучал вверенный ему пакет кошачьей бурды «Китикэт».

– Куда пойдём? По периметру?

– Щас, – ехидно-язвительно оскалился Граф. – С бутылкой водки я ещё в дозор не ходил. Ты, Поручик, никак на экзамене не знания, но мозги оставил. За мной! – он коротко крикнул и скрылся в придорожной обочине, шелестя кустами.

– Падай здесь, – вскорости предложил он Нималову, приблизившись к ветвистому клёну. – Дальше не пойдём – светло ещё: начальство зафиксирует.

– Бе-е-е, – послышалось откуда-то справа.

– Кончай, Поручик, не пили же ещё... – заржал Граф. – Рано ещё в козлов опускаться.

Нималов осмотрелся. Недалеко, к одному из деревьев, раскинувших зелёные покрывала над лужайкой, был привя-

зан источник звука – парнокопытное козлиной породы.

– О! – изумился Нималов. – Может, молочка наколдуем. Граф, это козёл или коза?

– Нашел, что спросить, – отмахнулся Граф. – Иди – пощупай.

– Тю. А без этой унижительной процедуры? Не в курсе, у коз рога растут?

– Вроде, нет. Растут, по-моему, только у козлов.

– У этой отсутствуют. Хотя, может, это просто ещё молодой козёл.

– Поручик, когда коту не хер делать, он лижет свои яйца... Ты мне сейчас его напоминаешь! Брось ты этого козла на хер! Айда водку пить.

– Ладно, наливай, – по привычке согласился Нималов.

– Куда «наливай»? В сапог? Из ствола дёргать придётся.

Нималов поёжился: пить водку из горла он не любил. Граф, не обращая внимания на его реакцию, опрокинул бутылку в рот, сделал пару-тройку глотков и, выдернув из растущей вокруг зелени несколько колосков травы неизвестного происхождения, зажевал горечь спиртного.

– Да бля, – многозначительно изрёк он и протянул бутылку Нималову. – Не знаю, как ты, Поручик, а я на травяной закуске долго не протяну.

Нималов молча протянул ему пакет с «Китикэтом».

– Да ну тебя на хер! – усмехнулся Граф. – Я эту хуйню есть не буду... Пошли!

Он решительно поднялся, дождался, когда Нималов делает приличный глоток, и оглянулся по сторонам.

– Куда?

– В «дозор». Чего расселся? Работать надо, чтобы не стыдно было свой хлеб жрать.

– Чего?

– Пошутил я. В столовую.

– А там что? Грязные тарелки облизывать?

– Зачем тарелки? Там Птур. Он нам приличную закуску наколдует.

– Идея! – одобрил Нималов и поднялся. – Идём. К тому же, Птур сам не пьёт, а, значит, имеем шанс получить закуску на халяву.

– И то верно, – согласился Граф.

Они покинули лужайку, вышли на кольцевую трассу, огибающую военный городок по периметру, и направились к черному входу армейской столовой.

– Уже надрались? – выплыла из темноты копна выгоревших на солнце волос, затем лицо их обладателя с неестественно голубыми глазами и насмешливым взором. Птур, выйдя на крыльцо столовой, вытирал руки вафельным армейским полотенцем.

– Птур! – заулыбался Граф и полез к «снабженцу» с пьяными обниманиями.

– Скоро закончишь? – спросил Нималов, не обращая внимания на Графа.

– Минут через десять. А что? Есть предложения?

– Есть, – Граф сделался серьёзным. – Столовая заминирована. Сейчас рванет. Ложись!

Птур и Нималов импульсивно рванулись в сторону: месячный срок сборов не прошёл даром. Граф ехидно рассмеялся.

– Пошли накатим? – предложил Нималов, заранее зная, что Птур откажется.

– Пошли, – неожиданно согласился бригадир кухонного наряда.

– Что?! – изумился Граф. – Я не ослышался?

– Нет. Что с меня?

– Закуску бы, – начал «издалека» Граф.

– Тушёнка подойдет?

– Конечно. А хлеб?

– Будет и хлеб. А тебе чего наколдовать, Поручик? – обернулся Птур к Нималову.

– У меня всё есть, – отозвался тот.

– Жрёт какую-то кошачью бурду, – «пожаловался» Граф. – Возьми, на всякий случай, ещё тушёнки и хлеба.

– Хорошо. Ждите за углом на скамье. Минут через десять буду. Только не орите. Выгонят со сборов на хуй...

Обворожительный стилига – июльский вечер всё больше нависал над военным городком, выжигая духоту ночной влагой, обещающей прохладное утро. Отбросив дневное покрывало небесной пелены, сначала от горизонта, а затем всё

ближе золотистой амальгамой вспыхивали звёздные сверчки. Нималову от этих наблюдений расхотелось куда-то идти, что-то делать, от кого-то скрываться, даже пить. Тлеющий огонёк сигареты задвигался справа налево и обратно, видимо, перемещаясь из одного угла рта Нималова в другой. Сзади подкрался Птур и, стараясь не нарушать тишины, молча склонился над головами сидящих.

– Я готов, братья, – полушёпотом оповестил он о своём присутствии.

– Тсс! – не оборачиваясь, прошептал Граф. – Сеанс! Скоро пойдём.

Он сделал хороший глоток и передал пузырь на круг. Выпили тихо. Нималов курил. Сидели долго. Время будто вообще перестало существовать.

Откуда-то из безвременья Граф спросил Птура:

– Скажи мне, абориген казахских степей, ты доить умеешь?

– В каком смысле? – не понял Птур.

– В смысле, за титьки дёргать.

– Кого? – опять не понял Птур: настолько резким был переход.

– Ну не баб же... Животных, конечно.

– А, – наконец дошло до Птура. – Спрашиваешь! Конечно, умею.

– Мы тут с Поручиком в разведке экземпляр обнаружили. Сможешь его оценить на предмет надоя?

– Тю. Как два пальца об... асфальт.

– Тогда пошли.

– Это он? – спросил Птур, завидев издали в темноте очертания парнокопытного.

– Вообще, да. Но лучше, если это окажется она, – поправил Нималов.

– Это итак – она. Поручик, «Беломор» куришь?

– Не, вообще я английские предпочитаю, потому как к штатовским у меня классовая ненависть, – ударился в пространные рассуждения Нималов, – но здесь за неимением возможности...

– Короче! – отрезал Птур. Он, словно породистый пёс охотничьей породы, почуяв дичь, встал в стойку и изготавился к прыжку.

– Да.

– Рви пачку. Граф, выкладывай тушёнку на бумагу и давай тару.

Граф заметно обрадовался (это было видно даже в темноте) и вытряхнул содержимое банок на листы картона из-под сигарет. Птур забрал пустые банки и тоном удава Каа прошипел Нималову и Графу:

– Ждите меня у стога сена.

Подельники разошлись: Граф с Нималовым, равномерно разделив груз «ответственности» – пакет «Китикэт», бутылку, два куса тушенки на бумаге из-под сигарет и буханку хлеба – в сторону стога сена, неизвестно как появившегося

в военном городке; Птур, что-то нашёптывая под нос, походкой, напоминающей смешанную поступь неандертальца и казахского шамана, удалялся к источнику молока – мечте любого солдата вооруженных сил страны.

Достигнув стога, Нималов забрался на вершину и лёг на спину, устремив взор в небеса. Количество звёзд увеличилось. Они будто нависли над головами новоиспечённых лейтенантов. Западная сфера небосклона еще озарялась лучами закатившегося за горизонт светила, окрасившись вишневыми оттенками. К востоку же небосклон становился темнее, постепенно переходя в цвет чернил.

– Поручик, водки? – спросил Граф, разместившись внизу.

– Не откажусь, – согласился Нималов. – Залезай наверх. Здесь красота!

– Баб где-то узрел? – цинично поинтересовался Граф.

– Тьфу ты! – сплюнул Нималов. – Вам, батенька, домой пора, к жене и дочке. А иначе, глядишь, еще через две-три недели...

– Да уж, – мечтательно потянулся Граф внизу, после чего протянул наверх бутылку. – Держи, Поручик.

Нималов сделал приличный глоток и направил горсть «Китикэта» в рот.

– Небось, скучаешь, Граф, по семье? – поинтересовался Нималов, передавая ёмкость обратно.

– И да, и нет.

– Как это?

– Да вот так. Я здесь месяц провел – словно в детство вернулся: жизнь в палатках, утренние пробудки, зарядки, солдатская пища, стрельба из всех видов оружия, даже наряды и ночные дежурства. Хорошо. Где такой кайф на «гражданке» поймаешь? Хотя, с другой стороны, грех жаловаться, я своей жизнью доволен. Спешу жить: женился в девятнадцать, ребёнок родился – мне только-только двадцать стукнуло. Не поверишь, я даже внутренне ощущаю, что родился в нужное время в нужном месте. Россия, конец двадцатого века – как раз то, что нужно.

– А я вот промахнулся, – с сожалением вздохнул Нима-лов. – Ни время не моё, ни место.

– Зря ты, Поручик, – возразил Граф. – Где бы и когда ты был тем, кто есть сейчас?

– Во Франции, к примеру.

– Да что ты на хер! Сладкая сказка твоя Франция. Время абсента, постимпрессионистов уже сто лет как прошло. Кем бы ты был во Франции или другой стране? Среднестатистическим буржуа?

– Вполне.

– Не отрицаю. Но писателем бы точно не был.

– Ох, рассмешил. Писатель. Я-то? Да я уже как три года ни строчки не написал!

– Это не показатель, – упрямылся Граф. – Ты к этому ещё вернешься.

– Угу. Кому только я на хер сдался со своими книгами

в конце двадцатого века? Родился бы в сороковых – начале пятидесятых, был бы шестидесятником – другое дело. А сейчас...

– А кому бы ты был нужен в шестидесятых? Там таких, как ты – пруд пруди. Конкуренция адская! – Граф многозначительно выставил вверх указательный палец. – Тогда каждый второй был или поэтом, или писателем, или художником. А сейчас ты почти один. Все «бабло рубят». Но на «твоем-то поле» – никого! Так, редкие путники...

Граф ещё что-то говорил, но Нималов его почти не слышал. Он устремил взгляд на одну из тысяч звезд уже ночного небосклона и смотрел на золотую точку, не мигая. Внезапно свет звезды дрогнул и начал сиять то ярче, то слабее. Напрягая зрение, Нималов продолжал следить за сумасшедшей обитательницей небес. Нет, она не падала, она наоборот, поднималась всё выше и выше, уводя взор земного наблюдателя как можно дальше. Это длилось секунды. Ему казалось, что другие звёзды с бешеной скоростью проносились мимо, оставаясь далеко позади...

Вдруг Нималову стало страшно. Он уже хотел было закрыть глаза, чтобы прервать этот безудержный и ужасный полёт, но внезапно бег прекратился. Его взор застрял где-то в сотнях тысяч километров между небом и землёй. Не решаясь оглядеться, а, тем более, посмотреть вниз, он продолжал смотреть вперёд.

Он уже не различал ни звёзд, ни цвета небес, он видел

только чёрную темноту. И из этой темноты кто-то смотрел на него. Он не видел (это было невозможно), он чувствовал на себе немигающий, властный взгляд почему-то зелёного глаза таких огромных размеров... Вскоре ему показалось, что глаз немного сузился, вероятно, его обладатель улыбнулся...

– Поручик, – раздался где-то далеко-далеко внизу голос Графа. – Смотри-ка, Птур и вправду молоко тащит. Надо-ил-таки подлец! Слезай, молочком «заполируемся».

Нималов в ужасе зажмурил глаза и скатился со стога вниз.

– Спишь уже, что ли? – не понял Граф.

– Ого! – удивился подошедший Птур. – Граф, да на нём же лица нет. И пот на лбу бисером!.. Отравился, наверное. Воды! Живо!

– Всё нормально, мужики, – успокоил их Нималов и медленно открыл глаза.

– Птур, дай Поручику молочка, – предложил Граф. – Авось полегчает.

Сын азиатских степей протянул Нималову одну из консервных банок, наполненных ещё теплым молоком. Нималов закрыл глаза и, прильнув губами к острой кромке консервной тары, сделал несколько глотков.

– Вот, Поручик, говорил я тебе... Что я – командир во всеуслышание предупреждал: «Не бери в голову дурного, в руки – тяжёлого, в рот – хуёвого». Нарушил заповедь – нажрался этой кошачьей бурды, – Граф, не спрашивая согласия Нималова, как можно дальше забросил в кусты пакет злопо-

лучной кошачьей радости. – Теперь загибаешься.

– А что произошло-то, Поручик? – решив, что криз прошёл, Птур присел рядом с виновником суматохи.

– Кто бы знал. Устал, наверное. Может, на экзамене перенервничал, – соврал Нималов и закурил очередную «Беломорину»...

Через три дня они покинут военный городок и разъедутся по домам. Загорелые, уставшие, с обветренными лицами, утомлённые июлем лейтенанты запаса...

Что будет с ними? Они слабо представляли себе наплывающее «завтра». Нималов не был исключением. Он ещё не знал, что через какие-то полтора месяца на его глаза попадетя книга, которая перевернёт его взгляды и опять заставит взяться за перо.

Он не знал, что ещё через восемь месяцев это самое «взяться за перо» выльется в более материализованную оболочку объемом в двенадцать авторских листов. Будет издано, получит неплохие отклики.

Не знал, что обречён тащить «писательский» крест и стать выпавшим из времени...

Он ещё многого не знал. Но о том, что, поднявшись далеко за пределы звёздной амальгамы, он смотрел прямо в глаза своего небесного покровителя – директора департамента NHV Вомилаана, он даже догадываться не мог.

# Книга 1. От лукавого. Глава 2. Встретились, поговорили

*... так кто же ты, наконец?*

*– Я – часть той силы,  
что вечно хочет зла  
и вечно совершает благо.*

*Гёте «Фауст»*

*There are more things in heaven and earth, Horatio,  
Than thy philosophy ever dreamed of.*

*W. Shakespeare<sup>8</sup>*

Нирал осторожно толкнул дверь и шагнул внутрь кабинета. Его сразу поразила необъятность помещения.

Где-то далеко впереди казавшийся маленькой точкой стоял стол. Стену, спиной к которой должен был сидеть его хозяин, украшали два огромных портрета. Их размеры были настолько величественны, что даже с того места, где находился Нирал, были хорошо различимы выражения глаз, морщины, мелкие детали одежды изображенных на них лиц. На портрете, висевшем слева, восседал император Страны Пя-

---

<sup>8</sup> И в небе, и в земле сокрыто больше, чем снится Вашей мудрости, Горацио (В. Шекспир)

ти Революций, на портрете справа – император Страны Изломанных Крестов.

– Подойди ближе к столу, – раскатами грома прогремело по залу.

Нирал сделал только один шаг в сторону стола и чуть-чуть не ударился бедром об его угол. Он в ужасе оглянулся назад: дверь, от которой он только что сделал шаг вперёд, находилась далеко за спиной и также, как недавно стол, виднелась вдалеке еле различимой точкой.

Нирал повернулся к столу и с удивлением отметил, что портреты на стене, нисколько не приблизились и не удалились от него. Они были такими же величественными.

За столом сидел хозяин кабинета в светло-коричневой униформе, на правой руке была повязана красная лента с белым кругом и изломанными крестами внутри него. Волосы хозяина были зачесаны на бок и свисали на лоб, над верхней губой – чёрные усы мушкой.

Нирал быстро сравнил лицо и одежду сидевшего за столом с лицом и одеждой изображенного на портрете справа. Идентичны.

– Я вызвал тебя, чтобы ввести в курс дела и ознакомить с комплексом твоих прав и обязанностей, а не для того, чтобы ты разглядывал интерьер моего рабочего кабинета, – сделав ударение на слове «рабочего», нервно выкрикнул сидевший за столом, повторяя тон и интонацию человека, изображенного на правом портрете. – Тем более, у тебя ещё будет вре-

мя и возможность, чтобы выяснить всё, что тебя интересует.

Он закурил, отчего по залу распространился запах сжигаемой конопли, и продолжил.

– Моё имя Вомилан. Я – директор департамента NHV. Сейчас согласно Регламенту мы перейдем за другой стол и проведём Процедуру, в ходе которой ты вправе задать мне любые вопросы. Мои рекомендации: не забудь в процессе задать вопросы, касающиеся твоих обязанностей. Пока всё ясно?

Нирал, соглашаясь, кивнул.

Вомилан поднялся, оба сделали шаг вправо и оказались у другого стола, которого Нирал раньше не замечал. Он огляделся в надежде разглядеть что-нибудь ещё, неохваченное его взглядом, и опять увидел, что теперь рабочий стол Вомилана казался маленькой точкой. Дверь же и вовсе исчезла. Только портреты сохранили свою первоначальную видимость.

– Присаживайся, – Вомилан указал на высокое кресло, затем обошёл стол с другой стороны и встал напротив Нирала. – И осмотри стол.

Нирал перевёл взгляд на мягкое покрытие, лежащее под его руками, и увидел, что сидит за стандартным столом для игры в рулетку: зелёное сукно, посередине круг с цифрами, по которому крутится шар, справа и слева соответствующая разметка.

– Объясняю Регламент, – заметив вопросительный взгляд гостя, начал Вомилан. – По нему ты, как вновь прибывший, имеешь право задавать любые вопросы. Я обязан ответить. Сразу поясню: эта единственная встреча, когда я вправе общаться с тобой посредством голоса. Как только Процедура закончится, мы будем общаться только телепатически, ибо Регламент категорически запрещает общение с подчиненными в звуковом диапазоне.

Вомилан сделал паузу и затаился едва тлеющей папиросой, от которой теперь исходил запах гашиша.

– Далее. Количество вопросов лимитировано суммой всех чисел таблицы. Под каждый вопрос будет раскрыт отдельный спин. Вопросы можешь задавать после фразы: «Делайте Ваши ставки, господа». Временные рамки ответа ограничены одним спином – временем вращения шара по периметру круга, поэтому будь лаконичен. Если вопроса нет, спин можешь пропустить. Вопросы по процедуре ведения беседы есть?

– Нет.

– Тогда начнём. Сектор «зеро» сыграл. Делайте Ваши ставки, господа, – изменив тон на более официальный, огласил Вомилан.

– Когда? – не понял Нирал.

– Ставки сделаны. Ставки больше не принимаются. Спасибо, господа.

Шарик, пущенный рукой мастера, с бешеной скоростью

понесся по кругу.

– Сектор «зеро» включает в себя пояснения к проводимой процедуре. Они окончены – сектор сыграл.

Шарик остановился на единице.

– Сектор «один» сыграл. Делайте Ваши ставки, господа.

– Почему процедура вступления в должность нового лица сопровождается именно этой игрой? – спросил Нирал.

Шарик опять начал бег по кругу.

– Порядок и процедура вступления в должность нового лица разрабатывались для Регламента Вашим покорным слугой лично. Эта игра в течение Процедуры идёт на основании моего авторства. В качестве подтверждения достаточно сложить сумму всех чисел.

– Делайте Ваши ставки, господа.

– Это число Зверя?

– Ставки сделаны. Ставки больше не принимаются. Спасибо, господа.

Белый комок очертил еще три круга очередного спина и второй раз выпал на двойку.

– Да, в Нулевом Локале это число именуется так – ответил Вомилан и добавил, – сектор «два» сыграл. Делайте Ваши ставки, господа...

Вскоре Нирал перестал различать повторяющиеся фразы «Делайте Ваши ставки, господа» и «Ставки сделаны. Ставки больше не принимаются. Спасибо, господа», и беседа приняла деловой характер, почти блиц типа «вопрос – ответ».

– Когда заканчивает играть сектор?

– Когда количество спинов, сыгранных на секторе, образует его число. Сектор «2» сыграл после двух спинов, сектор «6», следовательно, сыграет после шести.

– Шар при розыгрыше спина в секторе «2» дважды выпал на лузу с цифрой «2». Это закономерность?

– Да. Когда будет играть тридцать шестой сектор, шар тридцать шесть раз ляжет в лузу с цифрой «36». Таковы правила, в силах выдержать которые только создатель игры – Ваш покорный слуга.

Правила и суть Процедуры стали ясны Ниралу и он решил переключиться на другие вопросы.

– Почему в Вашем кабинете с левой стороны расположен портрет императора...

– Ставки сделаны. Ставки больше не принимаются. Спасибо, господа, – отчего-то перебил его вопрос Вомилан и добавил отрешённо, – не называй привычных тебе имён. Портрет императора Страны Пяти Революций, расположенный слева – символ первого пришествия в Нулевой Локал Вашего покорного слуги.

– А второго – портрет справа?

– Да. Это портрет императора Страны Изломанных Крестов.

– Ваши пришествия в Нулевой Локал в человеческом обличье ограничены двумя эпизодами?

– Пока да.

– Пока? То есть будет третье?

– Да. Самое могущественное.

– Почему сейчас Ваш облик идентичен портрету справа?

– Это моя рабочая униформа в Третьем Локале.

– Она неизменна?

– Нет, она меняется ежедневно – завтра я буду в облике императора Страны Пяти Революций.

– Могу я увидеть Ваш облик в других локалах, кроме Третьего?

– В этом облике ты меня уже видел. Но если настаиваешь – пожалуйста, но не более одного спина.

Вомилан пустил шар по кругу, а сам стремительно закружился вокруг своей оси и предстал перед Ниралом в новом облики. Чёрная шляпа с широкими полями, чёрный плащ, чёрные брюки и ботинки, на шее – серебряная цепь с кулоном, изображающем пятиконечную звезду, заключенную в окружность. В этом одеянии Вомилан дождался окончания спина, опять описал в бешеном темпе круг и снова предстал перед Ниралом в облике императора Страны Изломанных Крестов. Он надменно поправил повязку на правой руке, сбившейся чуть в сторону от невероятной скорости вращения, и снова посмотрел на Нирала в ожидании новых вопросов.

– Этот облик постоянен за пределами Третьего Локала?

– Да. В редких случаях, когда приходится применять процедуру переодевания в Нулевом Локале, облик меняется, но

это, – Вомилан указал на цепь с кулоном, – остаётся на мне неизменно.

После пары-другой вопросов, касающихся символики, Нирал осведомился о структуре системы, в которой ему предстояло работать.

– Что скрыто в аббревиатуре Вашего департамента – NHV?

– Мои имена в периодах воплощения.

– Можно подробнее?

– «N» – начальная буква моего имени на посту императора Страны Пяти Революций, «H» – на посту императора Страны Изломанных Крестов, «V» – на время предстоящего пришествия. Это же имя я ношу сейчас – Вомилан.

– Существуют ли иные структуры, подобные Вашей?

– Да. Есть ещё два департамента. Департамент ZHM, откуда пришёл ты, и департамент надзора, который проходит по всему Регламенту отдельной строкой.

Нирал вспомнил, что в отчётной информации со Станции департамента ZHM, всегда имелась третья цифра. Большая часть служащих департамента ZHM направлялась в Нулевой Локал, кто-то – в Третий Локал. Следовательно, третья цифра составляла количество направленных в департамент надзора.

– Что скрыто в аббревиатуре департамента ZHM?

– Имена Его главы в периоды Его пришествий. По аналогии с моим департаментом. «Z» – начальная буква Его име-

ни во время первого пришествия, «Н» – второго, «М» – начальная буква Имени предстоящего пришествия. Это же имя он носит сейчас – Мартель.

– Руководитель всей структуры, Главный – это...

– Ставки сделаны. Ставки больше не принимаются. Спасибо, господа, – опять применил свой, вероятно, излюбленный приём Вомилан.

– Да, Главный это Он, – ответил Вомилан.

– Каковы его функции?

– Общее руководство.

– Какова сфера компетенции департамента ZHM?

– Обеспечение деятельности умерших в Нулевом Локале при их переводе во Второй Локал.

– А Вашего?

– Моделирование основных направлений существования ещё не переживших смерти в Нулевом Локале. Мы называем эту категорию «неспособные к полёту» в узком кругу.

– Я не ослышался? – удивился Нирал смене парадигм.

– Нет. Всё верно, – настоял на своем Вомилан, – объекты воздействия моего департамента – ещё живые, департамента ZHM – уже мёртвые. Твоя служба в департаменте ZHM – тому яркий пример.

– Каковы функции департамента надзора?

– Осуществление надзора за полным и единообразным исполнением Регламента всеми подразделениями.

– Включая Главного?

– Нет. Он неподсуден.

– Кто исполняет карательные функции?

– Департамент надзора по обязательному предварительному представлению руководителей департаментов NHV и ZHM. Это обязательное условие.

– Может ли полномочия по назначению и исполнению наказания осуществлять Главный?

– Нет...

Ниралу нравилась стремительность подачи вопросов и получения на них ответов. Он зачем-то огляделся, выдохнул и «начал осваивать» новую глыбу гранита.

– Что такое локалы?

– Своеобразные подуровни параллельных миров.

– Сколько их?

– Четыре.

– У них имеются специфические наименования?

– Нет. Они различны по номерам: Нулевой, Первый, Второй, Третий.

– Нулевой Локал – что это?

– Его характеристики тебе известны. Это среда обитания ещё живых, неспособных к полету. Непосредственная сфера моей компетенции. Вмешательство департамента ZHM в Нулевой Локал категорически исключено. Возможно только частичное пребывание его руководства и представителей с последующим информированием меня о целях визита и совершённых действиях.

– Департамента надзора?

– Этот департамент лишён не только возможности вмешательства в другие локалы, но и присутствия в них.

– Из Вашего департамента в Нулевой Локал может войти любой сотрудник?

– Ни в коем случае. Только я и лица, уполномоченные мной.

– Как удостоверяются полномочия таких лиц?

– Им становится известно место нахождения энергетической впадины в Локал и соответствующий код для преодоления сопротивления последней.

– Есть ли трудности в обратном перемещении из Нулевого Локала?

– Есть, но только в случае, если впадина перекрыта со стороны нашего Локала.

– Возможно блокирование впадины из Нулевого Локала?

– Нет.

– Каковы последствия закупорки впадины для оставшихся в Нулевом Локале?

– Их уничтожает своей энергией Правое Око Главного.

– В чём выражается уничтожение?

– В разложении на молекулярном уровне.

– Что представляет собой Правое Око Главного?

– Высшую субстанцию эфира в форме шара. В Нулевом Локале оно именуется Солнцем.

– Следовательно, Левое Око Главного – Луна?

– Да.

– Возможно его вредное воздействие?

– Нет.

– Только на сотрудников Вашего департамента?

– Нет, Левое Око безобидно для всех.

– Насколько статичны энергетические впадины?

– Через определённый промежуток они могут быть сдвинуты либо уничтожены.

– Их смещение либо уничтожение происходит по Вашей инициативе?

– Да.

Нирал остановил установленный темп Процедуры и пропустил несколько спинов. Нет, у него не закончились вопросы. Наоборот, их количество только увеличивалось. Это и навело Нирала на мысль пропустить несколько спинов, дабы привести имеющиеся вопросы в какую-либо систему.

В ходе этого анализа стало ясно, что Нирал в общих чертах уже представляет порядок взаимодействия департамента, в котором ему предстояло работать, с Нулевым Локалом. Достаточно ли было полученной информации о Нулевом Локале и стоит ли ещё задавать вопросы по этому подуровню параллельного мира, Нирал не знал, но решил пойти дальше.

– Чем характерен Первый Локал?

– Первый Локал – более высокий подуровень в сравнении с Нулевым Локалом. Он включает в себя сферу сновидений и галлюцинаций, на содержание которых неспособные к по-

лету влиять не в силах.

– Роль этого Локала?

– Средство воздействия на психику неспособных к полету, их помыслы и действия.

– Является ли Первый Локал чьей-либо исключительной сферой компетенции?

– Нет. Это единственная сфера совместной компетенции департаментов ZHM и NHV.

– Какова процедура проникновения в Локал?

– Главный и директора департаментов могут беспрепятственно проникать в него. Иные сотрудники – только с предварительного согласия соответствующих директоров.

– Как происходит перемещение в Первый Локал?

– Она аналогична переходу в Нулевой: существуют такие же энергетические впадины, соответствующие коды... Всё то же самое.

– Есть отличия?

– Есть. Невозможна закупорка впадин Первого Локала ни с одной из сторон, а значит и физического уничтожения в случае задержки в Локале.

– Получается, что Правое Око Главного в Нулевом Локале носит предупредительную функцию. Так?

– Не совсем. Прежде всего (и это основная функция) энергия Правого Ока Главного – это источник существования Нулевого Локала. Хотя оно носит и предупредительную, и карательную функции. «Не успел – пропал», – улыбнулся

Вомилан.

– Почему же таковых функций не носит Правое Око Главного в Первом Локале?

– За отсутствием надобности: ведь объект воздействия в любое время может выйти из состояния сна обратно в Нулевой Локал, объективно оставив лицо, воздействующее на его сознание, в Первом Локале. Иными словами, объект воздействия всегда имеет право уйти из Первого Локала. В Нулевом Локале всё сложнее: объект может выйти за его пределы только при перемещении во Второй Локал, то есть при физической смерти тела. То есть Правое Око Главного – ещё и гарант стабильности количественного состава обитателей локалов.

Несмотря на завершение спина, Вомилан продолжил:

– В Нулевом Локале отсутствие права на выход неспособных к полету обусловлено наличием обязанности пришедших из иных миров уйти в строго определённое время – до открытия Правого Ока Главного. В Первом Локале именно возможность выхода неспособных к полету позволяет пришедшим из других миров не опасаться физического уничтожения.

– Каковы основные принципы деятельности в Первом Локале?

– Их два. Во-первых, объект воздействия в Первом Локале всегда должен иметь право выхода из него обратно в Нулевой Локал. Это неотъемлемое право каждого неспособно-

го к полету. Во-вторых, запрещается демонстрировать объекту воздействия в Первом Локале его собственную смерть: если он прыгает вниз с высотного здания – пусть мягко приземлится или сможет полететь, если горит в помещении – пусть огонь жжёт всё, но не его, если тонет – пусть дышит водой. За просчёты в моделировании сна виновные сотрудники несут наказания.

– Каковы их виды?

– В своей основе это лишение энергии в различных объёмах в зависимости от тяжести содеянного.

– Чем характерен Второй Локал?

– Прежде всего, это местонахождение и сфера компетенции департамента ZHM. Вторым Локал, также как и Третий, есть пристанище переживших смерть в Нулевом. Его основные описания тебе известны, благо ты сам недавно оттуда.

Наконец-то разговор переходил к теме, знакомой Ниралу в общих чертах. Хотя некоторые вопросы оставались.

– Насколько мне известно, взаимодействие Второго Локала с Первым не является односторонним. Так?

– Да. Из Второго Локала возможен переход не только в Третий Локал, то есть мой департамент, но и в Нулевой с предварительным визитом к Главному и процедурой очистки памяти.

– Это новое существование в Нулевом Локале?

– Да. Начиная от зачатия и рождения до нового перехода во Второй Локал, то есть физической смерти.

– Существует ли взаимодействие Второго Локала с Первым Локалом?

– Да. Мёртвые могут сниться живым.

– Во Втором Локале находится Станция, по территории которой проходит свечение в виде столба ярко-огненного света. После его прохождения присутствующие на Станции из Второго Локала исчезают. Это форма трансформации из Второго Локала в Нулевой и Третий. Есть иные формы?

– Нет.

– Столб яркого света – Взгляд Правого Ока Главного?

– Да.

– Кто определяет направление света?

– Главный.

– А инициатор перевода из Второго Локала в Нулевой и Третий?

– Я.

– Окончательное слово?

– Предлагаю – я, окончательное решение выносит Главный.

– А кто инициатор перевода обитателей Нулевого Локала во Второй, Вы или директор департамента ZHM?

– Конечно, Мартель. Это же его сфера компетенции. Но окончательное решение опять же принимает Главный. Я только исполняю...

Нирал отклонился от стола и огляделся по сторонам: Вомилан понял, что вопросы по Второму Локалу у собеседни-

ка исчерпаны.

– У меня предложение, – продолжил он до окончания спина. – Так как вопросы по Нулевому, Первому и Второго локалам закончены, перед блоком вопросов по Третьему Локалу, поговорим о компетенции Главного, а уже затем переведем разговор в плоскость Ваших профессиональных обязанностей по должности в Третьем Локале.

– Согласен, – кивнул Нирал.

– Нет-нет, я не закончил, – мягко улыбнулся Вомилан, – если ты считаешь, что сейчас сможешь прикоснуться к Великой Тайне – сфере компетенции Главного, то глубоко заблуждаешься. Даже я – глава департамента, один из его советников и покорных слуг – не в силах осветить и сотую часть Его Компетенции.

Предвидя вопросы, Вомилан начал новый спин.

– Даже Вы?!

– Именно. Сфера компетенции Главного не обозначена отдельным локалом. Главный – это всё, это всепроникающая сущность, это глобальная субстанция, которой трудно дать определение, почти невозможно.

– Так это не... – Нирал обозначил густую бороду, повелительный жест руки, но Вомилан опять перебил его.

– Нет-нет, это не только Старец.

– Но Отцом главы департамента ЗНМ он является?

– Так и я Ему не племянник... Он и мой Создатель. Ибо любая структура эффективна только при наличии двух про-

тивоположностей, объединённых общим началом. Вообще, свою компетенцию Главный разрабатывал сам. Она содержится в одной из составных частей Регламента, но носит не столько характер закона, сколько записей для памяти. Поэтому глава, посвящённая компетенции Главного, изложена печатными символами, прочитывать которые в силах только её автор.

– Выходит, невозможно познать ни суть Главного, ни его компетенцию?

– В высших смыслах невозможно, хотя в Нулевом Локале есть ряд Книг. Они содержат самые общие характеристики.

– Вы их читали?

– Конечно. В Нулевом Локале их знают как Старый и Новый Завет, Коран, Бхагават-Гиту, Шримад-Бхагаватам... их множество. Хотя все они – об Одном.

– Но в них же Вы – персона нон-грата, враг рода человеческого!

– Это утверждение? Не слышу вопроса...

– Как быть с этим?

– Errare humanum est. Это идеологическая мишура!

– Насколько Вы сейчас правдивы?

– Настолько, насколько обязывает меня Регламент! На все сто.

– А Страшный Суд? Тоже – «идеологическая мишура»?

– Конечно! В чём, по-твоему, цель сего мероприятия? Что есть мерило поведения подсудимых? – ответил Вомилан ри-

торическими вопросами. – Ты не видел праведность «с душком»? Или «светлого греха»?

– Рациональное зерно, конечно, есть, – не мог ни согласиться Нирал. – Хорошо. Двигаемся дальше: чем характерен Третий Локал?

– Это подуровень параллельного мира, наиболее приближенный к Главному. В нём располагается вверенный мне департамент.

– Основные принципы его работы?

– В основу построения структуры положен поселенческий принцип обитателей Нулевого Локала. Так, в Нулевом Локале имеются континенты, страны и отдельные территории этих стран, которые именуются областями, землями, штатами, республиками, доминионами. Соразмерно количеству этих образований в департаменте существуют отделы, курирующие соответствующую территорию Нулевого Локала. Так, например, если в стране существует тринадцать образований, значит в департаменте работают тринадцать отделов, каждый из которых курирует соответствующую территорию.

– Кто является ответственным за работу всего отдела?

– Его руководитель, назначаемый мною. Это – мой первый и единственный Советник по соответствующей территории.

– В чём заключаются обязанности рядовых сотрудников?

– Наблюдение, контроль и содействие каждому индивиду в выполнении его Генерального Плана.

– Об этом документе, если можно, подробнее. Кем он раз-

рабатывается?

– Главным.

– На каждого из миллиардов обитателей Нулевого Локала?!

– Безусловно. А кто, по-твоему, ещё может справиться с задачей такого масштаба?

– Где можно ознакомиться с персональным индивидуальным Планом?

– В каждом отделе существует соответствующий сектор.

– Возможны ли исключения либо, вообще, отступления от этого, с позволения сказать, документа?

– Всё – в пределах свободы воли, степень которой у каждого своя!

– Конкретнее.

– Если сравнить жизнь неспособных к полёту с ареалом обитания какого-либо животного, то свобода воли обитателя клетки всегда сужена относительно свободы воли обитателя природного заказника...

– Кто был инициатором моего направления в Ваш департамент? – довольно резко переменял тему Нирал.

– Отбирал кандидатуру я, утвердил по моему представлению – Главный.

– Почему я направлен именно в Ваш департамент?

– Такова моя «свобода воли».

– Что представляет собой моя будущая должность?

Вомилан одобрительно улыбнулся.

– Я решил доверить тебе пост руководителя отдела прекрасного местечка Энсаль.

– Это во Франции, судя по фонетике?

– Нет. Это в России!

– Странно, ничего подобного в России не слышал.

– Вопрос! – потребовал Вомилан.

– Где это? – исправился Нирал.

– Это Западная Сибирь.

Вомилан провел ладонью правой руки по материи стола и на том месте, где только что были размечены сектора для игры, сначала едва высветилось, а затем более тщательней стало проступать изображение географической карты. Когда карта приобрела остроту цветов и красок, её масштаб стал уменьшаться, пока территория Энсаля, не заняла всю поверхность игрового стола.

Нирал взгляделся в изображение. Где-то рядом со своим правым локтем он увидел довольно большое по размерам пятно, похожее на чернильную кляксу, и прочитал: «Энск».

– Это столица? – спросил он у главы департамента, начавшего очередной спин.

– Да.

– Примерное количество жителей на всей территории?

– Около двух с половиной миллионов. Может быть и больше. Это можно уточнить в отделе.

– Число проживающих в столице?

– Миллион с лишним. Цифра тоже подлежит уточнению.

– И у каждого Генеральный План?!

– Да, за выполнение которого ты отвечаешь персонально.

– Только уроженцев? – уточнил Нирал.

– Да, только уроженцев. Аборигены в Энсале итак не слишком малочисленны.

– У меня будут какие-то помощники?

– Конечно.

– Сколько?

На твоё усмотрение. Утверждать штат будешь сам. Можешь сократить, можешь – расширить.

– В каких пределах?

– Предел существует только в сторону расширения: не более одного работника на тысячу жителей. Сокращение – целиком в твоей власти.

– Вплоть до ликвидации отдела?

– Безусловно, нет. Энсаль ведь из Нулевого Локала никуда не исчезнет. Можешь сократить отдел до одного сотрудника, которым будешь ты, но с условием: результаты работы при сокращении страдать не должны.

– Получается, что в моём подчинении будет находиться около двух с половиной тысяч единиц персонала?

– По максимуму – так.

– Если уроженец Энсаля убывает на другую территорию, в чьей компетенции исполнение его Генерального Плана находится тогда – моего отдела или какого-то иного?

– Аборигены будут находиться в твоей компетенции от

рождения до смерти.

– А наоборот: если уроженец другой территории проживает в Энсале?

– Варяги – не твоя «епархия»...

Играл последний, тридцать шестой, сектор.

– Последний спин, господа, – огласил Вомилан, – делайте Ваши ставки.

– А разве ещё что-то осталось? – Нирал просто хотел поблагодарить руководителя за Процедуру. Но вдруг ему показалось, что Вомилан ждал именно этого вопроса.

– Ставки сделаны. Ставки больше не принимаются. Спасибо, господа. Да. В Энсале проживает один из неспособных к полету – Нималов. Ему – «зелёный свет», как говорят в Нулевом Локале; оказывать помощь и поддержку во всём, в пределах Генерального Плана, конечно. И ещё, следить за его окружением, регулировать которое более тщательно. Вплоть до полного одиночества...

– А кто это? – от удивления Нирал забыл про окончание Процедуры, но Вомилан был непреклонен.

Он улыбнулся, хлопнул в ладоши и Нирал из его широких апартаментов невесть как очутился в своём рабочем кабинете за столом, стоящим на огромном возвышении. Внизу, как в партере, на креслах, расположились его подчинённые. Около двух с половиной тысяч. При появлении непосредственного начальника все, как один, встали.

– Виват Ниралу Энсальскому! – громогласно прокатилось

по залу. Потом ещё. И ещё...

Оставшись один в просторном помещении, Вомилан сел прямо на поверхность игрового стола и закурил кальян, внешне выросший на месте, где ещё недавно бегал рулеточный шар.

– Почему Нималов? – вслух спросил себя Вомилан и сам же ответил. – Что такого Мартель в нём нашёл, что даже лично ходатайствовал? Надо потом как-нибудь заглянуть в его План. Вероятно, чем-то Мартелю угодить должен...

Он ещё раз хорошо затянулся и пощёлкал пальцами, вспоминая:

– Нималов... Нималов... Забавно! – внезапно осенило директора департамента NHV. – Да ведь его начальные буквы фамилии, имени и отчества составляют аббревиатуру моего ведомства – NHV, а фамилия при элементарной перестановке букв – моё имя...

## **Книга 2. Так уходили кумиры. Глава 1.**

### **A Day In The Life**

9

*Если дни ему определены и число месяцев его у Тебя;  
если Ты положил ему предел, которого он не перейдет...  
Иов: 14, 5*

---

<sup>9</sup> День жизни (англ.) – наименование финальной песни «Битлз» с альбома «Оркестр Клуба Одиноких Сердец Сержанта Пеппера», 1967

*I read the news today, oh boy  
About the lucky man who made the grate  
And though the news was rather sad  
Well I just had to laugh  
I was the photograph  
He blew his mind out in a car.  
He didn't notice that the lights had changed  
A crowd of people stood and stared  
They'd seen his face before  
Nobody was really sure  
If he was from the House of Lords...  
J. Lennon – P. McCartney «A Day In The Life»<sup>10</sup>*

*Позже, когда люди стали приходить  
в себя от шока, циники издевались  
над пролитыми в тот день слезами.  
Но циники так ничего не поняли...  
Р. Коннолли «Джон Леннон.  
1940-1980. Биография»*

---

<sup>10</sup> Я прочитал сегодня новости, парень, / О счастливишке, который вырыл себе могилу. / И хотя новости были достаточно грустны, / Мне осталось только рассмеяться. / Я видел фотографию / Его мозги вываливались из машины. / Он не заметил, что свет светофора изменился. / Толпа людей стояла и смотрела, / Они где-то видели его лицо до этого, / Но никто не был по-настоящему уверен, / Был ли он членом Палаты Лордов... (англ.) – Д. Леннон – П. МакКартни «День жизни»

Неоновый свет уличного фонаря мягко отодвинул завесу штор и скользнул по тёмному гостиничному номеру.

На двуспальной кровати в углу комнаты, лежа на животе, обхватив подушку руками, спал постоялец. Кисть правой руки спящего обхватила под подушкой револьвер тридцать восьмого калибра системы «Смит и Вессон».

В книге посетителей Шерадон-отеля, прибыв в Новый Вавилон четыре дня назад, посетитель расписался: «Айвен Лайнел»...

Как ни странно, ему опять снился этот сон. Сон уже около двух недель мучающий его сознание по ночам.

Он видел себя маленьким мальчиком в местечке Форт-Уэрт самого огромного административного образования Обречённой Страны. Видел длинный состав поезда, уносившего его с семьёй в не менее провинциальный городок Деккатур.

Спящий видел аэропорт имени тридцать пятого президента Обречённой Страны, прилет «великой четвёрки», шоу Сэлленджера, истерию представительниц прекрасного пола на концертах и после, собственную свадьбу, женщину Страны Восходящего Солнца в качестве жены...

Внезапно картина прервалась. Свет ли погас? Картина ли кончилась?

Спящий перевернулся на спину. Глубокая бездна сна сначала отбрасывала лёгкие блики, затем появилось вполне сносное изображение строгого чёрно-белого фона.

Постоялец увидел себя, сидящего за ослепительно белым роялем, играющим одну из песен лидера «великой четверки», неизвестно зачем перевирая слова. «Представь себе, что Айвен Лайнел мёртв», – зависло над роялем, залом, затем кроватью и спальней.

Спящий вздрогнул и открыл глаза. Такого продолжения сна доселе он не помнил: этот сон снится ему впервые.

Ночной полумрак давил на глаза, вселяя неясный страх.

Постоялец резко повернулся, опять лёг на живот и уткнулся лицом в подушку, желая заснуть до утра, не обращая внимания на посторонние звуки и шорохи ночного номера. Тщетно. Более того, страх начинал перерастать в ужас.

Он ощутил, как за какие-то секунды его тело покрылось холодным липким потом, мгновенно пропитавшим постельное бельё. Холодные струйки сбегали по скулам, затылку, плечам, груди. Крепко обхватив левой рукой под подушкой рукоятку револьвера, нечеловеческим усилием, преодолевая ужас, он поднял голову и огляделся.

Ночной номер был пуст.

Пошарив правой рукой по полу, постоялец нащупал пачку «Цыганки» и зажигалку. Дрожащими пальцами извлёк сигарету, поднес ко рту, прижал зубами и чиркнул кремнием. Блик искры молнией осветил помещение.

От неожиданности обитатель комнаты глухо вскрикнул, сел на кровати и окаменел...

В кресле, у окна, сложив руки на груди и закинув ногу на

ногу, сидел незнакомец...

– Не спится? – в лоб спросил он, не ожидая ответа.

Превозмогая ужас, постоялец медленно под подушкой взвёл курок револьвера.

– Ну-ну, – неожиданно усмехнулся незнакомец. – Стрельбы только нам здесь не хватало.

«Откуда он знает?» – в панике подумал сидящий на кровати.

– Руку из-под подушки вынь! – железным тоном сквозь зубы процедил незнакомец. – Медленно!

– Фак... – выругался постоялец и, резко выхватив револьвер левой рукой, хладнокровно нажал на курок. Потом ещё. И ещё. Он расстрелял весь барабан: пять выстрелов гулко прокатились по этажу.

Стрелок бросил револьвер на кровать и на цыпочках подошел к выключателю. Щёлкнул. Света не было. Зло выругавшись, постоялец вернулся к кровати, взял зажигалку и осторожно приблизился к креслу. Вызванная кремнием искра, молнией озарила помещение. Её подхватил спокойный газ, и пламя слабо осветило кресло.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.